

*Скоропанова Ирина Степановна
Белорусский государственный университет, Минск*

**«ВЕСЁЛАЯ НАУКА, ИЛИ ПОДЛИННАЯ ПОВЕСТЬ
О ЗНАМЕНИТОМ БРЮСЕ, ПЕРЕЛОЖЕННАЯ СТИХАМИ
СО СЛОВ НЕСКОЛЬКИХ ОЧЕВИДЦЕВ» М. АМЕЛИНА:
ШУТЛИВОЕ И СЕРЬЕЗНОЕ**

***Аннотация.** В статье рассматривается стихотворная повесть М. Амелина «Веселая наука...», посвященная сподвижнику Петра I Якову Брюсу, внесшему большой вклад в европеизацию России и утверждению в ней идеалов Просвещения. Шутливый дискурс использован для осмеяния невежества и предрассудков, с которыми сталкивается герой-подвижник, тогда как комментарии на полях дают о нем приближенное к реальности представление и двигают сюжет.*

***Ключевые слова:** стихотворная повесть, основной текст, комментарии, образ Брюса; «тайные науки», мистика, фантастика, юмор, ирония.*

***Abstract.** The article deals with M. Amelin's poetic story «The Jolly Science...», dedicated to the associate of Peter the First Yakov Bruce, who made a great contribution to the Europeanisation of Russia and the establishment of Enlightenment ideals in it. The humorous discourse is used to ridicule the ignorance and prejudices faced by the hero-adventurer, while the comments in the margins give an approximation to reality and move the plot.*

***Keywords:** poetic story, main text, comments, Bruce's image, «secret sciences», mysticism, fantasy, humour, irony.*

Максим Амелин, вступивший в литературу в 1990-е годы, достойно представляет русскую поэзию и сегодня. В эпоху разрушения традиционных ценностей, господства множества взаимно отрицающих друг друга точек зрения он сделал ставку на классику: то, что пережило века и составляет фундамент мировой культуры, и современность в своей оценке соотносит с воспринимаемым как непреходящее. Собственным способом познания мира М. Амелин избрал поэзию – в силу потенциально присущего ей универсализма. «Словесное искусство, сцепляя несоединимое и проявляя скрытое, создаёт новую, противостоящую разрушению и хаосу действительность, где вещам и событиям возвращаются их первоначальные имена и смыслы» [1, обл.], – указывает поэт. Но он отнюдь не наделяет своего лирического

героя обликом все-совокупно-постигшего умника, – достаточно самокритичен. Проявлением этого может быть и использование дискурса «болтовни шутивым слогом» – без претензий на пророческие откровения, но естественного, искреннего, привлекающего читателя своей непринуждённостью и предоставляемой возможностью улыбнуться и даже рассмеяться, что лишает процесс познания сухости, абстрактности, непогрешимости.

В «Опыте о себе самом, начертанном в начале 2000-го года» М. Амелин признаётся в успешности такого подхода:

Мне в науке, во-первых, весёлой точку
удалось поставить, – по коготочку
не узнаешь ни льва, ни грифа [1, с. 49].

Имеет в виду автор своё произведение «Весёлая наука, или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложенная стихами со слов нескольких очевидцев». Усложнённо-удвоенное название отсылает к коду сентиментализма и указывает на приверженность традиции, но «весёлое» с ней обращение, предполагающее её модернизацию. Уже в этом проступает игровое, шутивое начало, присущее амелинской стихотворной повести.

Первая часть заглавия отсылает к книге Ф. Ницше «Весёлая наука», в которой осуществляется переоценка «директивных ценностей», «глубина мысли сочетается с шаловливой лёгкостью – мудрость и резвость идут рука об руку...», как бы справляя «сатурналии духа» [4, с. 250]. Подзаголовок (на старопровансальском языке) «*La gaya scienza*» и раздел «Песни принца Фогельфрая» призваны были «напомнить о понятии, родившемся в Провансе, – о “*gaya scienza*”, о том единстве певца, рыцаря и вольнодумца, которое отличало чудесную раннюю культуру провансальцев от всех прочих двусмысленных культур...» [4, с. 250 – 251]. Имеется в виду южно-французская рыцарская культура XI – XII вв., репрезентировавшая себя в куртуазной поэзии трубадуров, отстаивавших радость жизни и культ Прекрасной Дамы, воспеваемой в стихах. И «если куртуазная любовь, как “галантная” наука, предполагает овладение так называемыми “правилами любви”, то правила эти по своей природе реально являются правилами лирического стихосложения: одно из значений провансальск. *amor* – поэтический язык» [2, с. 171].

Под влиянием Ф. Ницше данная линия культуры получила развитие в мировой философии, вызвав установку на практику языковых игр, нелинейных динамик, «игр истин» и т. д.

Собственный подход к апробированному предшественниками демонстрирует М. Амелин в своей «Весёлой науке...».

И уже в самом тексте произведения, воспроизведя схему гекзаметра:

[1, с. 107],

– автор напоминает, что творчество – это род весёлой науки: науки потому, что нужно знать правила стихотворства и стихосложения, в остальном же оставаясь совершенно свободным и при желании выбрать «весёлый» тип повествования. Амелинская семантика определения «весёлый» ближе всего к понятию «шутливый». Не всегда же быть серьёзным – хочется иногда и пошутить, и пофантазировать. Отрицания бытия в этом нет – лишь лёгкое посмеивание над всякого рода несуразностями. К тому же шутка не предполагает абсолютизации высказывания, имеет оттенок неприязнательности. Но, как и у Ф. Ницше, шутливое соединяется у М. Амелина с серьёзным, что предопределяет жанрово-композиционное своеобразие произведения. Основной текст повести, посвящённой (как видно уже из второй части заглавия) «знаменитому Брюсу» и имеющей комедийную доминанту, сопровождается комментариями на полях, имитирующими документальный дискурс «личного дела» с небольшими лирическими отступлениями. Образ главного героя в результате двоятся: дан и таким, какой проступает через используемый фактический материал, только в художественно преображённом виде, и таким, каким воспринимался массовым сознанием его времени.

Специфика поэзии позволила включить в себя и то, и другое, сделала возможным использование фантастических допущений. Характер авторской трактовки позволяет понять, что мы имеем дело с личностью уникальной.

Яков Брюс, о котором пишет М. Амелин, – один из ближайших сподвижников Петра I, много сделавший для блага России, упоминаемый в поэме Пушкина «Полтава»:

И Шереметьев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин [5, с. 74].

Между тем определение «знаменитый», каковое прилагает к нему в заглавии автор, – озорная мистификация М. Амелина, дабы привлечь к Брюсу внимание читателей по принципу рекламы, ибо большинству современников это имя ничего не говорит.

В петровскую же эпоху Брюс был, быть может, самым умным и образованным человеком России, много и охотно учился, знал не менее шести иностранных

языков, являлся экспертом Петра I в торговых делах с Западом, одним из главных реформаторов русской армии, внёс большой вклад в изучение русской географии, разведки запасов полезных ископаемых, создал первую в России обсерваторию, активно экспериментировал в области химии и алхимии, наконец, стал первым русским масоном, нацеленным на просвещение и гуманизацию российского общества.

М. Амелин отдаёт Брюсу должное – характеризует его как яркую на Российском небосклоне комету. Поэт стремится возвеличить столь незаурядного человека, прибегая к при этом к художественной условности. Так, обозначив в комментарии на полях:

Деловые
и практические
качества Брюса,
проявленные им
во время войны [1, с. 97], –

в основном тексте М. Амелин от фотографической конкретики отходит, использует фантастико-мифологические преувеличения, позволяющие ощутить исключительность главного героя, способного совершить сверхвозможное. Проступает в этом шутивая подоплёка – автор осознаёт, что сгущённому описанию подвигов-чудес читатель не поверит, зато ощутит необыкновенную одарённость Брюса – личности из ряда вон выходящей. Сразу вслед за изображением Петра I идут строки:

Служит ему исправно Брюс: например, погоды
все перемены знает в точности наперед,
предрекает по звездам всех сражений исходы,
и без Брюса не ходит Петр ни в один поход:

где там стоять пехоте, пушкам палить куда там.
Надобно – остановит солнца по кругу бег,
может в глаза тумана напустить супостатам,
среди июльского зноя вызвать январский снег [1, с. 98].

Таково одно из проявлений «весёлой науки» в повести М. Амелина. Не менее впечатляет и повествование о «мирных подвигах» Брюса:

А в промежутках между войнами Брюс орешки
грецкие знаний книжных не устает колоть,
наблюдая паденье яблок, орла и решки. –

То призывает разум, дабы душа и плоть
прение прекратили; то замирает перед
дальновидным подзором, острый вперья взгляд
в россыпь созвездий вещей; то поминутно мерит,
заново размечая вечности циферблат,
время [1, с. 98].

Иносказательно здесь описана линия Просвещения, приверженцем каковой являлся Брюс.

Наделён у М. Амелина Брюс и чувством юмора, окатив пьяную петровскую ассамблею, жаловавшуюся на жажду, водой из только что проведённого им во дворец на случай пожара водопровода. Содрогаётся от смеха он, наблюдая поблекший вид и нелепое поведение потерявших лоск царедворцев. Но это послужило причиной опалы Брюса, высланного из новой столицы в старую. Комментарий на полях, гласящий:

Путешествие
из Петербурга
в Москву [1, с. 99], –

явно намеренно воспроизводит название мятежной книги А. Радищева, дабы проакцентировать дух брюсовской независимости.

Но и в повествование о «путешествии» М. Амелин вносит шутливую ноту, ибо совершает его главный герой за полтора часа на построенном им аеровертолёте, до поры пылившимся на Дворцовой площади Петербурга, вызывая недоумение и брань. И хотя автор передаёт чьё-то мнение: «А всё наука» [1, с. 99], – фантастический характер описываемого очевиден, ведь воздухоплавание появилось на 200 лет позже. М. Амелин ведёт игру с читателем в надежде, что разгадавшие его замысел сделают фигуру Брюса собирательной – как русского первопроходца во многих областях – «весёлую науку» поймут.

Перечень занятий героя, осевшего в Москве, столь обширен, что поэт считает нужным оговориться:

Трудно составить полный список его занятий,
дел великих и малых перечень за такой
срок, – бумаги не хватит, ни замков, ни печатей,
чтобы хранить в архиве, – вреден ему покой [1, с. 100].

Вот хотя бы их лаконичные обозначения, зафиксированные в комментариях: «Перевод астрономического календаря», «Начертание полной географической

карты России», «Подробное описание земель Российских», «Составление первой периодической системы химических элементов, впоследствии утерянной», «Творение по примеру Пигмалиона тела своей невесты из разных садовых и полевых цветов...», «Ночные бдения Брюса при электрическом освещении...», «Продолжение точного перечня разнообразных занятий Брюса», не говоря уже об описании совершаемой героем трансценденции.

Всё это не только не было оценено по достоинству – напротив: уже начиная с прилёта сосланного в Москву на аеровертолёте, вызвало панику, испуг, неприятие и злобные наветы невежественного, консервативного населения со всевозможными предрассудками. Особенно пугал горящий по ночам в окне у Брюса, поселившегося на Сухаревой башне, яркий, как солнце, свет. Это учёный провёл у себя электричество, с каковым москвичи ещё не были знакомы. Сам Брюс воспринимал тёмных, необразованных людей с юмором, так как в нём видели нехристь и колдуна⁴.

М. Амелин же недоброжелателей Брюса судит более строго, прибегая к иронии, поскольку руганью они не ограничиваются – призывают власть его покарать:

Темный в Москве народец проживает: купцы,
городовые, воры, прочие – их прислуга, –
хера никто не может отличить ото рцы.
Месяцу быть луною полною надоело:
плавно пошел на убыль и превратился в серп. –
Слухи – напротив – пухнут, приобретая тело:
бают, Москве от Брюса будет один ущерб [1, с. 103].

Между тем для Брюса занятия наукой были видом духовного служения Богу и имели мистический смысл, ибо больше всего Брюса интересовали «науки о духе» с опорой на оккультизм (*лат.* «тайное учение»).

«В основе учений оккультистов лежит мысль, что кроме общепринятых в науке методов познания: чувственного восприятия, опыта и умозрения – имеется ещё сверхчувственный и сверхразумный путь познания через непосредственное мистическое общение с Богом в форме откровения, или через общение с миром бестелесных существ, духов» [2, с. 391 – 392]. Это противостоит ортодоксальному церковному подходу и предполагает самостоятельное, более

⁴ Данный взгляд нашел отражение в книге И. Лажечникова «Колдун на Сухаревой башне», а в книге А. Чаянова «Необыкновенно истинные приключения графа Фёдора Михайловича Бутурлина» есть персонаж граф Джейс Брюс, прототип которого Яков Брюс.

личностное и непосредственное сближение с Богом, характерное, например, для неоплатоников, гностических христианских сект, позднее – теософии.

Сам процесс мистического богосозерцания и богопознания Брюса воссоздаёт в «Весёлой науке» М. Амелин. От всего отстранённый, в состоянии своего рода сна и соответствующим образом настроенный, герой добирается в своей психике до слоя коллективного бессознательного, активизирует архетип Рая, вступает в контакт с Богом, причём молит не за себя, – спасти и помирить Россию. Слышит Брюс ответный голос Господа, одобряющий героя за то, что стремится познать Царство Божие не «в пересказе», а воочию, вещающий, что Богу угодны брюсовский «твёрдый нрав», «дух неугомонный», «дерзновенный разум», и он допущен зреть тайны Неба.

Обычного человеческого языка для передачи увиденного Брюсом нет, – констатирует автор, но отдаленно к этому приближает воссозданное языком поэзии. Достаточно вольно цитируется М. Ломоносов:

Брюсу открылась бездна, пламенных звезд полна, –
хор и орган, гласящий Господа в каждой ноте [1, с. 107].

Перед Брюсом проходят
различные миры;
Светом из ниоткуда
озарено пространство, от незримых светил
нет ни жара, ни хлада. – Необъятное чудо [1, с. 107], –
зрит герой, узнает пророчества о судьбе мира.

Признанный избранником Божиим в области познания, перед возвращением на землю Брюс получает небесные дары: сколок небесной тверди, склянку с рассолом горним, мех, надутый с эфиром животворящим, – символы бессмертия, каковое ему суждено.

Тем временем, откликаясь на жалобы и обвинения тупоголовых и злобствующих, для расправы с Брюсом в Москву приезжает царь со свитой. Однако попытки арестовать и казнить необыкновенного человека представлены как фарс, ибо заканчиваются конфузом. Герой повести ведёт с местными и прибывшими род игры, как с неразумными детьми, и даже направленные против него пушки укрощает:

Долго думать ему не надо,
как напасть посмешнее от себя отвести, –
пушки послушны Брюсу. – Грянула канонада, –
в небо взлетело разно-цветное конфетти,

яблоки золотые, пряники да конфеты, –
оседают неспешно прямо в руки. – «Ура!» [1, с. 112].

Таков «весёлый» ответ преследуемого блуждающим в темноте. Воевать со своим народом он не намерен, пусть тот еще не созрел для понимания роли научного знания и идеалов Просвещения.

К тому же Брюс понимает: существует не только трагедия бытия, но и комедия бытия – этого не избежать, и реагирует адекватно.

Пути совершенствования общества амелинский герой видит в совершенствовании человека, его одухотворении и нравственном преображении, чего насильно добиться невозможно. «Материализацией» этой идеи становится в произведении создание Брюсом из цветов прекрасной девушки Флоры, в которую постигший тайны неба Брюс вкладывает живую душу. Соединяет обоих любовь.

Одухотворяющий и скрепляющий российское общество фактор, по Брюсу, – приверженность «небесной тверди» – существование по постулатам Господа Бога. На это, примирившись с Петром I, и настраивает он российского самодержца, каковому дарит обретённый в мистическом путешествии «сколок неба»:

– Из небесных даров
краеугольный камень – дабы Россия крепла,
придавая значенье внешности и нутру,
в золото и порфиру наряжалась, из пепла
восставала – прощаясь, Брюс подарил Петру [1, с. 113].

«Ведать Творца» – нести Бога в себе призывает М. Амелин и непосредственно.

И совершавший мистические «полёты духа» в Небо Брюс у него – вопреки фактам – не умер:

Ждите – и Брюс вернётся, – он и поныне жив! [1, с. 113], –

адресуется к читателю автор.

В стихотворной повести М. Амелина «Весёлая наука» позабытый Брюс действительно возвращается, и уже в ауре обретшего бессмертия. Таковы возможности поэзии, сквозь века несущей идеал совершенства и претворяющей его в «реальность».

Но в чем значимость «возвращения» Брюса для современности? Ведь сегодня наука как общепризнанный фактор общественного развития не нуждается в защите. Как представляется, М. Амелин предлагает задуматься над дилеммой

«наука» и «религия» со взаимоисключающими составляющими; отстаивается возможность их примирения, если религия не претендует на монополию в области познания и не препятствует развитию науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин, М. Весёлая наука или Подлинная повесть о знаменитом Брюсе, переложённая стихами со слов нескольких очевидцев / М. Амелин // Конь Горгоны. – М. : Время, 2003. – 128 с.
2. Брокгауз, Ф. Эфрон, И. Энциклопедический словарь / Ф. Брокгауз, И. Эфрон. – М. : Эксмо, 2003. – С. 391 – 392.
3. «Весёлая наука» // История философии: Энцикл. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – С. 171 – 172.
4. Ницше, Ф. Весёлая наука / Ф. Ницше // Ф. Ницше. Стихотворения. Философская проза. – СПб. : Худож. лит., 1993. – С. 250 – 535.
5. Пушкин, А. С. Полтава / А. С. Пушкин. – СПб. : Детское время, 2022. – 96 с.